

на связь этого обычая с древней инициацией. От Лота эта связь ускользнула, хотя он, как и многие другие авторы, между прочим сообщает, что по достижении возраста мужнины и война отец в ознаменование этого вручает юноше покрывало и меч.

Мы специально остановились на нескольких наиболее сложных вопросах этнографии туарегов, чтобы получить представление о теоретическом уровне рецензируемой книги. Мы вправе отметить, что этот уровень недостаточно высок. Еще худшее впечатление производит присущая работе Лота политическая тенденциозность. Дело в том, что от своего первого издания, увидевшего свет десятилетиями раньше, рецензируемая книга отличается не только расширением и обновлением фактического материала. Она вышла в тот год, когда в Алжире начали греметь пушки, когда свободолюбивый алжирский народ поднялся на открытую вооруженную борьбу с французскими колонизаторами. Это обстоятельство не замедлило сказаться в идейной направленности книги Лота, попытавшегося изобразить идиллический туарегский «остров» в глухой южной части восставшего Алжира.

Предприная в период первой мировой войны несколько неудачных антифранцузских выступлений, пишет Лот, туареги Хоггара с этого времени стали «лояльными и верными» (стр. 420). Они «ценят мирную жизнь и материальные выгоды, предоставляемые присутствием французов, и им даже не приходит в голову, по крайней мере в настоящее время, рассматривать это присутствие как бремя» (стр. 420). За немногими исключениями кель ахаггар, по словам автора, безразличны к политике, которая является делом арабов. Они думают лишь о том, чтобы сохранить свои стародедовские обычаи и спокойную пастушескую жизнь. «Они равнодушны, чтобы не сказать больше, как к влиянию Запада, так и к арабскому национализму» (стр. 421). Лояльных пастухов-туарегов автор противопоставляет городскому пролетариату Северной Африки. Жизнь туарегов, подчеркивает он, не в пример счастливой, и было бы в высшей степени неразумно вносить в нее какие бы то ни было нововведения. Туарег никогда не станет земледельцем или рабочим, пусть не рассчитывают на него те, кто думает об индустриализации Сахары.

Громко звучащая в заключительной части работы тенденция автора — стремление изобразить Хоггар счастливой Аркадией, застрахованной от революционных бурь, — скрыто присутствует во всем содержании книги. Подчеркивая, что население Хоггара «застыло в своем архаическом состоянии, продолжая жить так же, как в библейские времена; это — настоящий этнографический заповедник» (стр. 421), — Лот даже и не пытается показать культуру и быт кель ахаггар в их историческом развитии. Этнографические описания Лота — это, как правило, описания застывшего традиционного быта. Лишь отдельные замечания автора или же анализ приводимых им фактов показывают, что Хоггар отнюдь не остался «этнографическим заповедником». Так, например, Лот ничего не говорит о кризисе кочевого скотоводства, но даже если бы этот факт не был известен из других литературных источников, он явствовал бы из приводимых автором в параграфе, посвященном земледелию, данных о частичном оседании туарегов. Описывая материальную культуру кель ахаггар, Лот ни словом не упоминает о распространении среди них алжирских и французских промышленных товаров, но в параграфе, посвященном торговле, есть беглое замечание о деятельности берберских и арабских торговцев, со времени французского завоевания обосновавшихся в столице Хоггара — Таманрассете. А ведь и частичный переход к оседлости, и проникновение в туарегскую среду фабричных тканей, металлических изделий, керосина, сахара, чая и т. д. существенно меняют их старый материальный быт. В разделе «Социальная организация», где подробно описывается положение различных сословий у туарегов, автор также умалчивает об изменениях последних десятилетий — о массовом разорении рядовых кочевников имрад, вызванном общим для всех стран современного Востока кризисом кочевого скотоводства. Правда, в другом месте глухо говорится, что с течением времени жизнь становится для туарегов все более тяжелой, но объясняется это обстоятельство причинами чисто географического порядка: постепенным уменьшением естественных, прежде всего водных, ресурсов Сахары (стр. 251).

Таким образом, политическая тенденциозность, наложившая свою печать и на собственно этнографическую сторону книги, весьма снижает ее научную значимость. Все же монография Лота, содержащая большой фактический материал, остается полезным источником сведений о культуре и быте туарегов Хоггара.

А. Першиц

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Ernest Wallace and Adamson Hoebel. *The Comanches: lords of the South Plains*. Norman, 1952, 381 стр.

Оклахомский университет в США, начиная с 1932 г., издает серию монографий под названием «Civilization of the American Indian Series», посвященных изучению истории индейцев Северной Америки. Рецензируемая книга является 34-й публикацией этой серии и представляет собою монографическое описание культуры команчей — одного

из наиболее выдающихся племен конных охотников на бизона североамериканских степей. Авторы монографии прослеживают историю племени со времени открытия Америки до наших дней, широко используя материал многолетних полевых исследований, исторические документы и публикации. А. Хобель известен как исследователь степных индейцев Северной Америки, в частности команчей, и по другим, ранее опубликованным им работам¹.

Монография состоит из 12 глав. В главе I авторы обстоятельно излагают историю поселения команчей на юге степей. Она читается как одна из страниц ранней истории колонизации североамериканского материка европейцами и заселения индейскими племенами степных пространств Северной Америки.

Яркая и своеобразная индейская культура коневодов и верховых охотников на бизонов складывалась в степной полосе североамериканского материка уже после появления на нем европейских колонизаторов: испанцев на юго-западе и англо-американцев на востоке. Восточная часть Северной Америки к этому времени была довольно густо заселена множеством индейских племен — земледельцев и охотников, центральная же равнина материка была заселена значительно слабее. Только с конца XVII в. начинается массовое заселение ее индейскими племенами, теснимыми с востока и северо-востока европейскими колонизаторами.

Наступление европейской колонизации с востока материка вызвало цепь перемещений индейских племен, от р. Миссисипи до предгорий Скалистых гор. Авторы подчеркивают огромное значение огнестрельного оружия в колониальном захвате Северной Америки европейскими державами. С помощью его колонизаторы покоряли и уничтожали индейцев, ослабляли их, провоцируя межплеменные войны, снабжая оружием одни племена и лишая его другие. С востока двигались вооруженные огнестрельным оружием племена, они теснили на своем пути племена, еще не имевшие его.

Команчи переселились в степи с северо-запада. Как особое племя они стали известны в начале XVIII в.; в более ранний период это была часть шошонов, пеших охотников и собирателей, обитавших на западной окраине американской равнины, от верховьев рек Миссури и Платт до предгорий Скалистых гор. Племена Ворона и Черноногих в своем наступательном движении с востока и северо-востока вытеснили шошонов с прежних мест обитания, рассеяв их мелкими группами по западному склону Скалистых гор (см. рецензируемую работу, стр. 1). Часть шошонов откололась и двинулась вдоль предгорий на юг степей, тогда почти еще не заселенных. Согласно преданиям команчей, они поселились в степях к югу от р. Арканзас около 1700 года (см. стр. 8). Здесь они сформировались в племя. Авторы монографии отмечают высокую степень племенного самосознания команчей. Свое название они получили от испанцев — первых европейцев, с которыми они столкнулись; слово «команчи» (что значит «враги») взято из языка племени юте. В испанских поселениях команчи приобретали лошадей и оружие и вскоре прославили себя как самое богатое табунами лошадей степное племя несравненных наездников и воинов.

До середины XIX в. они упорно защищали свои земли (сначала одни, а потом в постоянном союзе с кайова), сдерживая продвижение на север испанской колонизации, на юго-запад — англо-американцев. Но команчи, как и другие племена американской степи, сохраняли свою самостоятельность до тех пор, пока пастись в степях стада бизонов, составлявших основу их существования.

В главе II авторы дают живое представление о физическом типе команчей и коротко останавливаются на их племенном устройстве. Глава III посвящена описанию основных занятий индейцев — коневодства и охоты на бизонов. Команчи, как и другие степные племена, приобретали лошадей несколькими путями: покупкой, поимкой одичавших мустангов, разведением стад, набегами и получением в дар. Близость к мексиканским поселениям, являвшимся главным источником приобретения лошадей, обусловила быстрое превращение команчей из собирателей и пеших охотников в сильное кочевое племя коневодов и верховых охотников на бизонов. Лошади были частной собственностью. Некоторые вожди насчитывали в своих табунах по несколько тысяч голов, преуспевающие воины имели от 50 до 200 голов. Самый бедный команч имел хотя бы одну лошадь, тогда как у ряда других степных племен табуны были незначительны, многие из индейцев этих племен вовсе не имели лошадей.

Большая часть жизни команча проходила на лошади. Лошадь стала важнейшим средством охоты, поднявшим ее производительность на значительно более высокую ступень, чем пешая охота. Лошадь составляла богатство индейца и служила единицей обмена. Авторы замечают, что раньше всего значение лошади в жизни индейца было оценено офицерами американской колониальной армии — в войнах с индейцами они стремились прежде всего уничтожить их табуны (см. стр. 40).

Изложив историю индейского коневодства и отметив решающее значение его в экономике племени, авторы рецензируемой книги очень мало говорят о методах ведения индейцами коневодческого хозяйства. На базе частной собственности на коней у команчей, несомненно, складывались новые производственные отношения, изучение

¹ См. А. Hoebel, The political organization and law-ways of the Commanche Indians, «Memoirs of the American Anthropological Association», т. 54, Menasha, 1940; его же, The Comanche Sun Dance and Messianic Outbreak of 1873, «American Anthropologist», XLIII, Menasha, 1941.

которых представляло бы большой исторический интерес. В этой связи очень важно было бы знать, кто пас табуны богатых индейцев, ибо вряд ли семья собственника табуна, насчитывающего до 1000 голов, могла сама с этим управиться; как оплачивался труд пастухов; существовала ли дифференциация между бедными и богатыми индейцами в использовании пастбищ?

Интересно было бы выяснить, не сохранилось ли у команчей пережитков, указывающих на первоначальный общинный характер собственности на лошадей. Дело в том, что советским ученым удалось установить ряд свидетельств о существовании периода общинной собственности на скот у скотоводов Средней Азии, у которых переход к частной собственности произошел в очень ранний период (к I веку до н. э.). Отдаленность этого периода, естественно, затрудняет исследование вопроса о том, как и когда стада перешли в частную собственность. У индейцев же коневодство развивалось в сравнительно позднее время (в течение XVIII и первой половины XIX в.), и американским этнографам значительно легче проследживать этапы развития форм собственности у скотоводов (в данном случае у коневодов).

В этой главе (III) авторы не только описывают охоту на бизонов, дававшую индейцам главные средства существования, но и рисуют правдивую и мрачную картину хищнического истребления бизонов «белыми» охотниками за шкурами бизонов. Истребление стад бизонов привело к гибели индейцев и их самобытной культуры.

Авторы указывают, что эта жестокость в отношении индейцев не только не наказывалась, но даже поощрялась. Они приводят в доказательство этого слова ярого шовиниста и колонизатора того периода генерала Шеридана, восхвалявшего жестокость истребителей бизоньих стад, которыми якобы в деле покорения индейцев было сделано то, чего не могла достигнуть целая армия в течение 30 лет (стр. 66).

В главе IV описываются пища, одежда и жилище команчей; в главе V — разделение труда. Охота, война, изготовление орудий и оружия были занятиями мужчин. Женщины обрабатывали продукты охоты, превращая их в предметы питания, материал для одежды и жилищ. Кроме этого разделения труда между полами, авторы глухо говорят о выделении пастухов, объездчиков лошадей, специалистов по изготовлению седел (последними чаще всего были пленники из испанских поселений).

В главе VI описывается семейная жизнь команчей, дается также много сведений об их общественном устройстве. Эти главы (IV—VI) на богатом фактическом материале ярко рисуют материальный быт команчей.

В главах VII и VIII описываются религиозные представления индейцев. Глава IX в основном посвящена описанию общественного устройства команчей, хотя некоторый материал по этому вопросу содержится, как уже упоминалось, и в других главах. Эта глава носит неоправданное название «Государство и право», так как в ней говорится, что у команчей не было государства. С трактовкой авторами общественного устройства команчей никак нельзя согласиться. В вопросе об общественных отношениях они отступают от исторического подхода, которого придерживались, проследживая превращение остального племени собирателей и пеших охотников в богатых коневодов и верховых охотников.

Свою трактовку общественного устройства команчей Уаллас и Хобель строят на двух основных и на наш взгляд неверных постулатах: 1) у команчей, как и вообще у всех шощонов, никогда не было рода, и моногамная, индивидуальная семья была основной ячейкой их общества (стр. 23); 2) индивидуализм — исконная, шощонская черта команчей, которая лежит в основе их общественных отношений и религиозной практики. Авторы развивают эти взгляды на протяжении всей монографии в связи с описанием различных сторон жизни команчей. Основной методологической ошибкой их является недоучет огромного социального значения перехода индейцев к коневодству и связанного с этим перехода от пешей охоты к конной.

Хорошо показав значение коневодства в жизни и хозяйстве индейцев, отметив, что табуны были частной собственностью, что положение индейца в племени, наряду с военными заслугами, определялось размерами его табуна, авторы игнорируют изменения в социальных отношениях, которые были вызваны появлением частной собственности. Между тем фактический материал, содержащийся в их работе, свидетельствует о том, что общественный строй команчей находился на стадии распада общинно-родовых отношений и формирования отношений, основанных на частной собственности. В обычаях команчей проследживается своеобразное и противоречивое переплетение первобытно-общинных отношений с новыми отношениями, основанными на имущественном неравенстве.

Так, у команчей часть средств производства — лошадь, ружье, лук и копье, находилась в частной собственности, тогда как другая часть — пастбища, охотничьи территории со стадами бизонов — составляла еще коллективную собственность, и пользовались ею члены племени сообща. Основные запасы средств существования давала коллективная охота. Хотя туши убитых животных считались принадлежащими самому охотнику, однако удачливый охотник обязан был делиться мясом с семьями, не имевшими своих кормильцев, и вообще с каждым, кто приходил к нему за мясом. Бывали случаи, когда ему оставалась лишь шкура. Определенная часть добычи (например, языки бизонов) откладывалась для общей трапезы. Это говорит о сохранении у команчей, наряду с частной собственностью на табуны, черт коллективного распределения продуктов охоты.

Команчи во время своего переселения на юг степей были организованы в орды

(bands). Авторы устанавливают последовательность переселения одной орды за другой на юг степей. В истории наиболее известны пять главных орд команчей и четыре второстепенных, быстро исчезнувших. Вероятнее всего, что эти пять орд были в действительности пятью родами или частями шошонских родов, отколовшимися от основной массы шошонов и переселившимися в степи. На шошонское происхождение этих родов указывают и большинство их названий: род Антилопы, род Пчел, род Дикого Картофеля, род Бизона, род Орла. Названия эти носили, несомненно, тотемный характер и указывали на древние занятия шошонов: собирательство и пешую охоту. Авторы дают неверную, обычно топонимическую, трактовку родовых названий, объясняя, например, название рода Антилопы тем, что он жил в открытой степи, где было много антилоп. В то же время авторы свидетельствуют, что на антилоп этот род команчей охотился лишь в случаях крайней нужды и что эта охота сопровождалась сложной религиозной обрядностью. Перед началом ее исполнялась священная песня и пляска антилопы. В охоте принимали участие все — мужчины, женщины, дети, образуя вокруг стада «священный круг». Руководил ею шаман.

Описание этой обрядовой охоты является ярким свидетельством почитания родового тотема. На связь этой охоты с шошонским периодом истории команчей указывает и то, что она обязательно должна была быть пешей, хотя на бизонов охотились уже на лошадях. Авторы отмечают, что род Антилопы был одним из сильнейших и оказывал большое влияние на всех команчей.

Каждый род имел свои священные обряды и пляски, связанные с тотемом рода. Сохранялась кровная месть за смерть сородича.

Несомненно, что в степях, под влиянием новых условий, род команчей претерпевал коренные изменения. Родовая община превратилась в общину иного типа, по своим признакам сходную с древней общиной кочевников-скотоводов Средней Азии, которую советские этнографы условно называют кочевой аульной общиной². Она сохраняла еще структуру родовой, но экономическая сущность ее стала иной. Кочевая община объединяла частных собственников табунов: среди ее членов имелось уже имущественное неравенство, но их связывала общая собственность на территории охоты и пастбища. Для кочевой общины был характерен, таким образом, дуализм в формах собственности на средства производства (общинной собственности на землю и частной собственности на лошадей), в характере производства средств существования (коллективной охоты и индивидуального коневодства) и в принципе распределения продуктов труда (сохранение элементов коллективного потребления продуктов охоты и частного присвоения продуктов коневодства).

Все эти особенности кочевой общины команчей характеризуют ее как переходную форму от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Поэтому нельзя согласиться с авторами, что исходной экономической единицей команчей была индивидуальная семья.

В кочевой общине хозяйственной единицей становилась большая патриархальная семья, бывшая переходной формой от семьи, возникшей из группового брака, к моногамной индивидуальной семье. В ней наряду с элементами становления моногамии были живы еще элементы группового брака: общность жен группы братьев, сороральная полигамия (команч, женившись на одной из сестер, имел право взять в жены всех ее сестер); бытовавшая у них классификационная система родства имела ее реальную основу. Муж делил, по обычаю, своих жен с братьями и друзьями. В то же время от жены уже требовалась супружеская верность. Существовал обычай общественного установления верности жен своим мужьям (стр. 62). Жена отдавалась в безусловную власть мужа. Неверность жены муж обязан был жестоко карать; убивая или калеча жену за неверность, он выполнял только свою обязанность. Муж обязан был взыскивать вознаграждение за бесчестие с любовника жены, но должен был, в то же время, называть его братом. Любовники жены считались братьями ее мужа. Расторгнуть брак мог только муж.

Таким образом, обычное право команчей носит яркие черты становления моногамии, но моногамия односторонней — для женщины. Команч мог иметь не только нескольких жен из свободных соплеменниц, — наряду с ними в семье были жены из пленниц. Семья включала и рабов. Целью такой патриархальной семьи был уход за скотом и обработка охотничьей добычи.

Браки заключались предпочтительно в пределах кочевой общины. Брак был патрилокальным, но зять обязан был кормить родителей жены (стр. 23). Охотник лучшие куски своей добычи обязан был отсылать тестю. Это — несомненный пережиток материнского рода, точно так же, как и институт авункулата. Хотя юношу воспитывали отец и его братья, называвшиеся также «отцами», но в трудную минуту он рассчитывал на помощь дяди по матери. Характерно, что любую вещь, принадлежавшую дяде по матери, он мог брать без спроса.

Описывая общество команчей на переходном этапе к классовому обществу, Уаллес и Хобель в то же время пишут об индивидуализме, «атомизме» команчей, как их древней шошонской черте. Поэтому, по их мнению, у команчей не было военных обществ, хотя зародыш их они отмечают и здесь. Известно, что военные общества были харак-

² См. Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 73—89.

терной чертой ряда степных племен. Роль военных обществ была непосредственно связана с племенной организацией. Эти общества были своего рода дружинами, которые, выполняя полицейские функции, несли в себе уже элементы общественной власти, отделенной от народа. А это — довольно поздний этап распада родового строя, которого команчи, по-видимому, еще не достигли.

Авторы отмечают, наряду с высокой степенью племенного самосознания, отсутствие у команчей общеплеменной организации, и видят причину этого также в их «атомизме». Однако общая организация кочевого племени, насчитывавшего к концу XVIII в. до 30 тысяч человек и рассеянного на огромном пространстве южных степей, вряд ли представляется возможной в условиях еще общинно-родового кочевого быта. Племена, имевшие четкую централизованную племенную организацию, были значительно малочисленнее команчей. Для этих племен был характерен общеплеменной летний лагерь кольцевидной формы³. Общеплеменной лагерь команчей был бы немислим; стоянка только одного из подразделений этого племени, по свидетельству Уалласа и Хобеля, в 1834 г. тянулась на 15 миль (стр. 15). Авторы пишут о наличии в такого рода стоянках довольно четкой организации в виде общего совета, состоявшего из глав больших патриархальных семей и руководимого двумя вождями: военным и гражданским. Должность последнего была наследственной в определенной семье.

Положение авторов: «Исключительный индивидуализм команчей делал ненужным возникновение государства» (стр. 209) в корне неверно. «Индивидуализм», так импонирующий авторам, есть порождение отношений собственности, эксплуатации, которые вызывают в конечном счете необходимость особой власти, защищающей имущество. В племенной организации индейских степных племен к началу XIX в. можно выявить элементы такого рода «индивидуализма» и зарождения военной демократии. Соперничество, рассматриваемое авторами как проявление индивидуализма, несомненно, поздняя черта, связанная с имущественной дифференциацией в племени.

Что касается «индивидуальности» религии команчей, то приводимые авторами факты заставляют в этом сильно усомниться. Почитание бизона, антилопы, орла, койота, а также ритуальные пляски носят коллективный, общественный характер. Вряд ли авторы правы, говоря, что «религия команчей была чрезвычайно проста» (стр. 186). Как отмечают они сами, в религиозных представлениях команчей сказалось влияние идей христианской религии. Кроме того, у них наблюдалась уже известная специализация почитаемых прежде как тотемы животных — волка, медведя, орла, койота, бизона. Орел считался покровителем воинов, медведь якобы обладал способностью лечить раны и т. п. Авторы справедливо отмечают, что нельзя еще говорить о пантеоне, так как функции каждого духа не были резко ограничены, однако сами по себе такого рода воззрения свидетельствуют о значительном развитии религиозных представлений. Отмечая, что лошадь и собака не вошли в религиозный мир команчей, авторы объясняют это вполне материалистически: «человек имел власть над ними; животные же, имевшие сверхъестественную силу, были за пределами господства над ними человека» (стр. 204).

Заслуживают внимания главы X, XI, XII, посвященные описанию войн в истории покорения команчей англо-американскими колонизаторами. В этих главах показан один из героических эпизодов борьбы индейских народов Америки за свою свободу. Приводимые факты конкретно подтверждают слова У. Фостера, что «ни один народ не защищался более мужественно, чем индейцы»⁴.

В книге показаны этапы наступления колонизаторов на юг степей и самоотверженная борьба индейцев за свои земли и независимость. История штата Техас была историей покорения и захвата земель команчей. История эта излагается авторами год за годом с начала XIX столетия. Показана и политика англо-американских колонизаторов в отношении индейцев, которая становилась все более и более жестокой по мере продвижения колонистов по территории команчей. Захватывая индейские земли, колонизаторы стремились к истреблению индейцев. Но в отношении команчей, оказывавших отчаянное сопротивление, это им не всегда удавалось. Три четверти века команчи упорно сопротивлялись наступлению белых колонизаторов. В 1867 г. была сделана попытка загнать индейцев в резервацию. Но индейцы не пошли в нее, продолжая независимую жизнь в степях. В 1874 г. против них были направлены войска, с тем чтобы окружить их со всех сторон. Была поставлена задача или загнать индейцев в резервацию, или уничтожить их (стр. 326). Индейцы были взяты в кольцо. Сначала были захвачены табуны их лошадей, затем обезоружены оставшиеся в живых люди и помещены в концентрационный лагерь, а позднее под конвоем водворены в резервацию.

К 1875 г. было сломлено сопротивление некогда могущественного племени, низведенного до положения «подопечных государства». «Белым» покорились лишь жалкие остатки племени; через десяток лет команчей насчитывалось только 1382 человека (стр. 32). Остальные пали на полях битвы в героической и беззаветной борьбе за свою свободу.

³ Любопытно, что монголы XI—XII вв. разбивали свое стойбище в форме кольца. См. Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 37.

⁴ Уильям З. Фостер. О марксистском освещении истории североамериканских индейцев, Сб. «Прогрессивные деятели США в борьбе за передовую идеологию», М., 1955, стр. 354.

Говоря о рецензируемой монографии в целом, следует отметить легкий и доступный широкому читателю стиль изложения и насыщенность книги богатым этнографическим и историческим материалом. Она дает довольно полное, исторически правильное описание жизни одного из индейских племен Северной Америки, прославившего себя в борьбе с захватчиками их земель.

Следует особо отметить хорошее художественное оформление книги: контурные заставки, изображающие предметы быта команчей; фотоиллюстрации хорошего качества (типы индейцев, их жилища, бытовые сцены и пр.). Книга снабжена обширной библиографией работ, посвященных команчам и их соседям.

Перевод монографии Уалласа и Хобеля представил бы большой интерес для советского читателя.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

A. Métraux. *Easter Island. A stone-age civilization of the Pacific*. London, 1957, 249 стр.

Об острове Пасхи написано немало, но все книги и статьи адресованы преимущественно специалистам. Между тем в последние годы ощущается сильная потребность в научно-популярной литературе об этом острове, обычно фигурирующем под названием «острова загадок». Широкому кругу читателей можно рекомендовать книгу Шульце-Мазье¹. Однако с тех пор, как вышла эта книга, произошло много событий: на острове Пасхи работала объединенная франко-бельгийская экспедиция (июль 1934 — январь 1935), членом которой был и автор рецензируемой книги, Альфред Метро, и вышла в свет его научная монография «Этнология острова Пасхи»²; Хейердал совершил путешествие на плоту из Южной Америки в Полинезию (1947); вышла в свет книга Энглерта «Земля Хоту-Матуа»³; на острове Пасхи работала экспедиция Хейердала (1956). Стали известны новые факты, выдвинуты новые теории. К острову Пасхи привлечено внимание широких кругов читателей.

Нельзя не приветствовать поэтому выход в свет популярной книги А. Метро об острове Пасхи. Важно то, что книга написана крупным специалистом-этнографом, и это коренным образом отличает ее от множества статей в научно-популярных журналах, которые написаны зачастую без знания дела и не столько информируют, сколько дезинформируют читателей.

Автор описывает прежнюю жизнь и культуру островитян: хозяйство, жилище, одежду, украшения, социальный строй, религию, празднества, пляски, музыку, жизненный цикл от рождения до смерти, посвящает особые главы деревянным резным фигурам, большим каменным статуям, дощечкам с письменами. Он подробно излагает научные теории как свои, так и других ученых. Значительная часть рецензируемой книги представляет собой популярное изложение материалов, содержащихся в научной монографии того же автора⁴. Но наряду с этим книга содержит и новые данные. Так, во введении автор приводит любопытные детали первых своих встреч на острове Пасхи с местными жителями. В главе «Трагическая история острова Пасхи» он характеризует современное положение островитян. Численность местных жителей в 1935 г. составляла всего 456 чел., в 1947 г. — 721 чел. Они носят европейскую одежду, но обрабатывают землю и ловят рыбу древними примитивными способами; сохраняют свой язык, старухи помнят древние мифы и легенды; бытуют в измененной форме древние брачные и похоронные обряды; по вечерам жители все еще боятся аку-аку, т. е. духов мертвых. Основное занятие жителей — пастба овец и крупного рогатого скота (остров сдан в эксплуатацию чилийской скотоводческой фирме). Многие изготавливают для продажи резные фигурки из дерева. Экономические условия островитян очень плохи. «На острове царит такая бедность, — пишет А. Метро, — что невозможно говорить о переходе от примитивных условий к западной цивилизации» (стр. 58). Население острова «гниет в бедности, из которой нет выхода» (там же).

В главе «Происхождение культуры острова Пасхи» Метро выступает против теории американского происхождения полинезийцев, выдвинутой Хейердалом. Теория Хейердала, как известно, не встретила поддержки со стороны ученых. Родство языков Полинезии и Индонезии, наличие в Полинезии многочисленных культурных растений азиатского происхождения говорят о том, что полинезийцы пришли из Юго-Восточной Азии. Культурные параллели между Южной Америкой и Полинезией, приводимые Хейердалом, не всегда убедительны. Метро рассматривает теорию Хейердала лишь в той ее части, в какой она касается острова Пасхи, и приводит веские аргументы против нее. «Хейердал, — пишет он, например, — сравнивает большие каменные статуи

¹ Ф. Шульце-Мазье, Остров Пасхи, М., 1931 (F. Schulze-Maizier, Die Osterinsel, Leipzig, 1926).

² A. Métraux, *Ethnology of Easter Island*, Honolulu, 1940.

³ S. Engler, *La tierra de Hota-Matu'a*. Padre Las Casas, Chile, 1948.

⁴ См. С. А. Токарев, Новая книга о культуре острова Пасхи, «Сов. этнография», 1946, № 4.